
РАКУРСЫ

Я. ВАН*

**(ПЕРЕ)ВООБРАЖАЯ РЕГИОН:
НАРРАТИВЫ О «ЕВРАЗИИ»
В ДИСКУРСЕ В.В. ПУТИНА
(2011–2024)**

Аннотация. Несмотря на популярность концепта «Евразия» в российском политическом дискурсе нельзя сказать, что его содержание и географические границы отличаются определенностью. Данная статья посвящена анализу трансформации представлений о «Евразии» и нарративов регионостроительства в дискурсе В.В. Путина с 2011 по 2024 г. В рамках интерпретативистских парадигм в статье предлагается оригинальный нарративный подход к изучению процесса конструирования региона. Заимствуя концепцию «нарративного шаблона» Дж. Верча и используя герменевтическую теорию нарратива, автор осуществляет нарративный анализ ключевых выступлений В. Путина, связанных с темой «Евразии» за 14 лет. Исходя из специфических нарративов о «Евразии», артикулировавшихся Путиным в различных контекстах, в статье были выделены повторяющиеся темы и общие нарративные элементы, на основе которых были реконструированы нарративные шаблоны.

Результаты исследования показывают, что в дискурсе Путина концепт «Евразия» приобретает три основных значения с разными географическими границами: государства (Россия), региона (постсоветское пространство) и континента («Большая Евразия»). Также в дискурсе Путина выделяются два нарративных шаблона о «Евразии»: функционально-экономический и цивилизационно-суверенный. В рамках этих шаблонов формируются различные сюжетные линии и образы «других», основанные на различных представлениях о будущем, что раскрывает двойственную логику воображения о «Евразии».

Ключевые слова: Евразия; нарратив; В.В. Путин; регион; географическое воображение; нарративный шаблон.

---

* **Ван Яли**, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: yavan@hse.ru

Для цитирования: Ван Я. (Пере)воображая регион: нарративы о «Евразии» в дискурсе В.В. Путина (2011–2024) // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 62–87. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.03>

Введение

Регион – это не только природно-географическое, но и социально-политическое понятие. В данной статье регион рассматривается как дискурсивная конструкция и «воображаемое сообщество», подверженное постоянному переосмыслению и переопределению в дискурсивном пространстве. В то же время репрезентации и дискурсы о регионе обладают комплексным характером. Они затрагивают не только вопросы территории и границ, но и размышления о «нас» и «других», суверенитете и мировом порядке, а также тесно связаны с внешнеполитической практикой [Окунев, 2009; Колосов, 2011].

Этот подход полностью применим к анализу понятия «Евразия», которое исторически зародилось как «воображаемый регион» в политическом и интеллектуальном дискурсе. Через процессы осмысления, символизации и воображения этого географического пространства формируются различные интерпретации макрополитической идентичности России, ее отношений с восточным и западным «другими», ее места в мире, а также разнообразные проекты нациестроительства и политические практики [Замятин, 2009; Дружинин, 2021, с. 14; Вахитов, 2020; Bassin et al., 2015; Hann, 2016]. При этом евразийские дискурсы и воображения характеризуются высокой степенью гетерогенности и семантической нестабильности [Цымбурский, 1998; Замятин, 2024, с. 13; Tsygankov, 2003]. Таким образом, изучение процессов дискурсивного воображения региона позволяет не только выявить новые аспекты традиционной евразийской проблематики, но и раскрыть сложность и многозначность данного концепта.

В 2010-х годах, в связи с развитием проектов интеграции в постсоветском пространстве, таких как Евразийский экономический союз, и «поворотом на Восток» во внутренней и внешней политике России, «Евразия» снова стала модным словом в России. Однако это не добавило определенности, и в российской публичной сфере можно обнаружить разные ответы на вопросы, что такое «Евразия», где она находится и что она значит для российских элит [Tsygankov, 2022].

По последнему вопросу и у исследователей нет единого мнения. Некоторые из них считают, что российская властвующая

элита использует деполитизированную, прагматичную и функциональную лексику для описания «Евразии» [Kazharski, 2019], тогда как другие утверждают, что представление о «Евразии» в современном дискурсе по сути империалистическое [Trenin, 2002; Laruelle, 2008; Suslov, 2020]. Третьи же отмечают переход российского официального нарратива о Евразии с 2014 г. от экономической к более националистической логике, в которой всё активнее используются культурно-исторические аргументы и риторика противостояния Западу [Libman, 2022; Vieira, 2016; Постсоветское пограничье России..., 2018].

Мы попытались эмпирически исследовать значение «Евразия» и нарративы регионостроительства в дискурсе В.В. Путина с 2011 по 2024 г. Наш интерес к дискурсу Путина обусловлен тем, что, будучи главой государства, он обладает значительным символическим весом и выступает в качестве важной «узловой точки» (nodal point) российского публичного дискурса. Эта позиция позволяет ему не только интегрировать существующие дискурсивные ресурсы и символические репертуары, но и задавать рамки для последующего элитного и массового дискурса. Таким образом, Путин выступает в качестве мощного «строителя региона», чьи представления и нарративы о «Евразии» оказывают значительное влияние на политическое и общественное восприятие данного концепта.

В статье в рамках интерпретативистских парадигм предлагается оригинальный нарративный подход к изучению процесса конструирования региона «Евразия» в дискурсе В.В. Путина. Первоначально мы обсуждаем теоретические основы и преимущества данного подхода. Далее представляем нашу методологию и источники данных. В эмпирической части мы проводим анализ значения понятия «Евразия» в дискурсе Путина. Далее, исходя из специфических нарративов, мы выделили повторяющиеся нарративные элементы, затем реконструировали два нарративных шаблона о «Евразии». В заключение подводятся итоги, дается предварительное объяснение полученных результатов и предлагаются направления для будущих исследований.

Дискурсивное конструирование регионов: нарративный подход

Как многогранная категория, регион и его онтологическое положение могут быть рассмотрены через различные теоретиче-

ские призмы [Soderbaum, 2011]. Среди них наиболее радикальным является постструктуралистский подход «регионостроительства» (region building approach, RBA), который, опираясь на литературу по нацистроительству (nation-building) и генеалогический метод, рассматривает регионы как воображаемые сообщества, формируемые посредством речевых актов. Такой подход смещает фокус исследований с изучения регионов как таковых на процесс их конструирования, особенно на анализ «нарративов регионостроительства» (region-building narratives), создаваемых «строителями региона» [Neumann, 2003; Browning, 2003; Novelli, Pereira, 2009; Кузнецов, Грачевский, 2022]. Действительно, поскольку нарративы, описывая последовательность событий, подразумевают причинно-следственные связи и эссенциализируют существование регионов, они выступают в качестве мощного инструмента политического дискурса, используемого для продвижения региональных проектов.

Тем не менее подход «регионостроительства» часто подвергается критике за методологическую непрозрачность [Novelli, Pereira, 2009]. Это неудивительно, учитывая сложность самого понятия нарратива и разнообразие методов его анализа. В данной статье принимается минималистское определение нарратива, предложенное П. Эбботтом: нарратив – это «представление события или серии событий» [Abbott, 2008, p. 13]. Минималистское определение может служить «наименьшим общим знаменателем» для более сложных определений. И поскольку политики часто используют «упрощенные нарративы», которые редко полностью охватывают все элементы нарративной структуры, использование минималистского определения позволяет избежать априорного исключения определенных политических текстов как ненарративных [Shenhav, 2005; Malinova, 2022; Малинова, 2018; De Fina, 2017]. Таким образом, в каждом тексте каждое описание событий, связанных с «Евразией» в дискурсе Путина, может рассматриваться как отдельный нарратив.

В традиции исследований нарративов также существует деление на макро- и микроуровни анализа [Gee, 1990, p. 142; De Fina, 2017]. Микроуровневый анализ нарратива представляет собой изучение «рассказа» как процесса (storytelling), акцентируя ситуативный и интерактивный характер повседневных, индивидуальных, единоличных нарративов, а также их перформативность. В свою очередь, макроуровневое исследование сосредоточено на анализе разделяемого «шаблона» (*template*), который структурирует коллективные представления о событиях [Stapleton, Wilson, 2017].

Таким образом, в фокусе анализа находятся интертекстуальные связи между различными нарративами. Как отмечает Н. Фэркло, дискурс-анализ всегда «колеблется» между фокусом на конкретных текстах и вниманием к «порядку дискурса». Он подчеркивает, что это не должно быть выбором между двумя подходами, а, напротив, предполагает их синтез [Fairclough, 2003, p. 3].

Хорошее объяснение связи между микро- и макроуровнями нарратива предложено Дж.В. Верчем [Wertsch, 2002; 2008; 2021]. Он выделяет два уровня нарратива: «специфический нарратив» на микроуровне (*specific narrative*), который представляет собой ситуативный, конкретный рассказ о конкретных датах, местах и действиях, и «нарративный шаблон» на макроуровне (*narrative template*) – абстрактную обобщённую структуру, которая придаёт специфическому нарративу общую структуру и смысл.

Верч подчеркивает, что интертекстуальные связи и повторяемость между конкретными нарративами формируют основу их объединения на макроуровне в нарративный шаблон. В конкретных нарративах можно выявить общие темы и элементы, которые затем «абстрагируются» в нарративный шаблон [Wertsch, 2002, p. 60]. Однако такое «абстрагирование» может осуществляться разными способами.

Один из них, названный Д. Полкингхорном «анализом нарративов» (*analysis of narratives*), представляет собой парадигматический анализ, цель которого – выделение таксономий и категорий из общих нарративных элементов [Polkinghorne, 1995]. Этот подход близок к методам структуралистской нарратологии, которая сосредоточивается на анализе текстов как автономной системы, стремясь обобщить структурные элементы сюжета в различных нарративах. Примером могут служить анализ «морфологии сказки» В.Я. Проппа или архетипическая теория нарративных жанров Н. Фрая (комедия, романтика, трагедия, ирония/сатира) [Herman, Jahn, Ryan, 2010, p. 366].

Другой подход, который Д. Полкингхорн называет «нарративным анализом» (*narrative analysis*), близок к постклассической нарратологии и герменевтической теории нарратива. Хотя он также включает структурный и парадигматический анализ повторяющихся нарративных элементов, основное внимание уделяется нарративу как активной практике субъекта производства смысла (*meaning-making practice*), опосредованной культурно-социальным контекстом, а не как автономной и замкнутой текстовой системе [Robert, Shenhav, 2014; Brockmeier, Meretoja, 2014; Meretoja, 2018;

Herman, Jahn, Ryan, 2010]. Другими словами, центральное значение приобретает не столько выявление структурной организации событий в нарративах, сколько анализ того, как нарратор активно конструирует и компонует нарративные элементы. Это, в свою очередь, позволяет раскрыть интенциональность, лежащую в основе данного процесса, а также выявить более широкие, имплицитные и коллективно разделяемые социальные знания. Представляется, что такое понимание имеет особую значимость для политического нарратива, который следует рассматривать как целенаправленный инструмент политического субъекта для коммуникации с аудиторией [De Fina, 2017; Shenhav, 2006].

Фактически концепция «нарративного шаблона» Верча ближе именно к этому типу анализа. Верч отмечает: «Понимание внутренней логики нарративов... требует выхода за рамки самих нарративных текстов и учета того, как они укоренены в речи и мышлении активных агентов. На протяжении всего этого процесса активный агент участвует и может направлять “построение сюжета” в уникальных направлениях» [Wertsch, 2021, p. 65].

В герменевтической теории «конечная точка» или «смысл конечной точки» (the sense of ending) в нарративах рассматривается как центральный элемент анализа, вокруг которого ретроспективно выстраиваются остальные нарративные компоненты [Ricoeur, 1984, p. 67]. С когнитивной точки зрения процесс создания нарратива субъектом следует инверсной логике причинно-следственных связей. У. Лабов обозначает это явление как «предварительную конструкцию нарратива» (narrative pre-construction), отмечая, что нарратор, как правило, начинает повествование с «конца» – с осознания того, «к чему это ведет», – а затем ретроспективно формирует подходящее начало, среднюю часть и определяет роли акторов [Labov, 2006]. Таким образом, именно «конец» нарратива и его телеология придают нарративу смысловую целостность, становясь точкой отсчета для его интерпретации. Как справедливо отмечал Поль Рикёр, нарратив представляет собой ретроспективную конструкцию, в которой мы можем «читать конец в начале и начало в конце» [Ricoeur, 1980].

Одновременно литература показывает, что нарративы регионостроительства, как правило, носят нормативный характер, причем особое значение также придается измерению «видения будущего» [Makarychev, 2018; Gilbert, 2008]. Исследователи отмечают, что регионализм фактически представляет собой эмансипационное видение, однако существуют разные интерпретации «эмансипа-

ции» [de Witte, 2019]. Для объяснения различных видений будущего политические акторы ретроспективно выбирают разные начала и середины в нарративах о регионах, исключая «неудобные» эпизоды, и через линейную организацию (отобранных) событий в едином сюжете создают впечатление естественности региональных концепций и проектов.

На основе данной теоретической рамки мы, начиная со специфических нарративов, будем выявлять повторяющиеся и интертекстуальные нарративные элементы, а затем реконструировать нарративные шаблоны, которые отражают общее понимание Путиным региона «Евразия», которое, возможно, является социально разделяемым.

Методология и эмпирические данные

Материалами для анализа послужили стенограммы публичных выступлений В.В. Путина за период с 2011 по 2024 г. Нижней хронологической границей исследования была определена статья В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», опубликованная 4 октября 2011 г. в газете «Известия» в рамках предвыборной кампании. В данной статье Путин обозначил ключевую задачу своего следующего президентского срока – создание Евразийского союза. В ней подробно изложены его представления о необходимости, целях, принципах, перспективах и основных контурах этой интеграционной инициативы. Статья является первой публичной и систематической формулировкой концепции Евразийского союза, предложенной Путиным. Она выполняет функцию «плана на будущее» и служит «сравнительным ориентиром» для нашего исследования.

Верхней хронологической границей исследования выступает речь В.В. Путина, произнесенная в мае 2024 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета, посвященном десятилетию подписания Договора о создании Евразийского экономического союза. В этом выступлении президент подвел итоги десятилетней работы по развитию евразийской интеграции, а также обозначил направления дальнейшего углубления интеграционного сотрудничества. Выбранные хронологические рамки сосредотачивают внимание на фигуре В.В. Путина и охватывают весь процесс – от систематического изложения им концепции евразийского проекта до подведения промежуточных итогов его реализации.

Это позволяет выстроить логически завершенную последовательность событий и выделить связную цепочку релевантных текстов.

Мы обратились, с одной стороны, к важным ежегодным публичным выступлениям В.В. Путина, которые ориентированы на широкую аудиторию, с другой стороны, к стенограммам выступлений на мероприятиях, напрямую связанных с темой «Евразии». Такой выбор позволяет анализировать нарративы Путина не только в контексте обсуждения конкретной евразийской политики, но и в контексте более широких вопросов, что дает возможность уловить привычные для него способы воображения данного региона. В рамках рассматриваемого периода было отобрано 67 текстов.

В программе MAXQDA 2020 был проведен трехэтапный контент-анализ этих текстов (см. рис. 1).

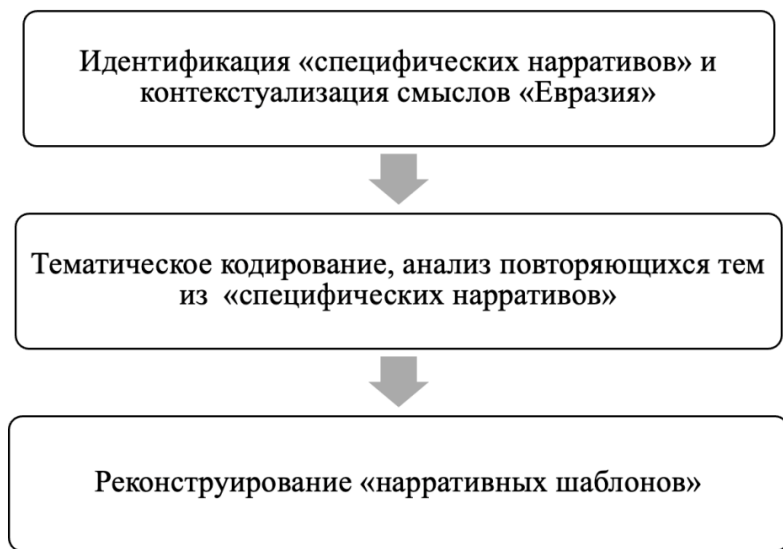

Рис. 1.
**Трехэтапная методология анализа
нарративов регионостроительства**

Первый этап – идентификация «специфических нарративов». Мы выделили все фрагменты, содержащие однокоренные слова «Евразии / Евроазии», и определили смыслы «Евразии» по контексту.

Второй этап – тематическое кодирование, или «анализ нарративов» по определению Полкингхорна. Для каждого специфического нарратива мы определяли, к какой теме он относится. Мы выявили четыре основные повторяющиеся темы в дискурсе В.В. Путина:

- Географические границы и контекстуальные значения «Евразии» (где?);
- Сюжетная линия: отбор значимых событий, описание пространственно-временных эволюций региона, построение связей между прошлым, настоящим и будущим (как?);
- Роли «других»: основные акторы и их роли по отношению к «Евразии» (кто?);
- Цели и телеология: конечные цели, миссии и нормативное видение будущего «Евразии» (для чего?).

Третий этап – конфигурация нарративных шаблонов, или «нарративный анализ», по определению Полкингхорна. Опираясь на описанную выше теоретическую рамку, особое внимание было уделено последней теме второго этапа. Мы анализировали: 1) комбинацию кодов, показывающую, как различные видения будущего «Евразии» приводят к разным сюжетным конструкциям и различным оценкам «других», что в конечном итоге формирует различные нарративные шаблоны; 2) частотность кодов и эволюцию конкурирующих нарративных шаблонов с течением времени.

Три «Евразии»

В речах В.В. Путина «Евразия» может иметь три различных смысла по контексту, каждое из которых соответствует определенным географическим границам (см. рис. 2).

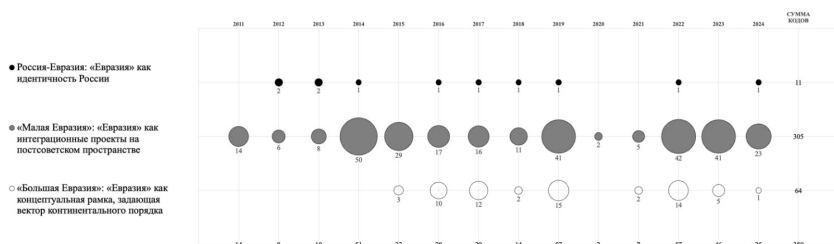

Рис. 2.
Контекстуальные значения «Евразии» и динамика упоминаний в речах В.В. Путина (2011–2024)

Во-первых, термин «Евразия» используется в дискурсе Путина для обозначения географического положения России и обусловленной им цивилизационной идентичности страны. По мнению президента, географическое положение России делает ее «евразийской державой»¹, «своего рода осевым районом мировой политики» и наделяет ее уникальной миссией «держателя равновесия между Востоком и Западом»². Россия «евразийская» не только в геополитическом смысле, «Евразия» также символизирует идентичность страны как государства-цивилизации³, которая сохраняет мультикультурность, полиэтничность и единство культур всех народов⁴.

Второй смысл «Евразии» относится к постсоветскому пространству и соответствующим интеграционным проектам, таким как ЕАЭС. Эта «Евразия» имеет четкие границы, правила членства и организационные структуры, ограничивается территорией СССР и часто обсуждается в смешанном техническом и романтическом риторическом стиле. Путин подчеркивает, что Евразийский союз – это не попытка «в той или иной форме воссоздать СССР», а «шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии»⁵.

Третий смысл «Евразии» связан с концепцией «Большой Евразии», прототип которой был предложен российскими экспертами из аналитических центров в 2015 г. и впервые вошел в выступления президента в 2016 г. Эта концепция расширяет границы «Евразии» за пределы России и постсоветского пространства, нацелена на сопряжение постсоветской интеграции с другими интеграционными проектами, такими как «Один пояс, один путь» и Европейский союз. Фактически «Большая Евразия» представляет

---

¹ Пленарное заседание Восточного экономического форума // Президент России. – 2017. – 7 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55552> (дата посещения: 10.10.2024).

² Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России. – 2013. – 19 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17536> (дата посещения: 10.10.2024).

³ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2013. – 19 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата посещения: 10.10.2024).

⁴ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. – 2024. – 7 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата посещения: 10.10.2024).

⁵ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2013. – 19 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата посещения: 10.10.2024).

собой концептуальную рамку и «дорожную карту» на завтра, задающие вектор взаимодействия государств континента и принципа организации огромного пространства от Атлантики до Тихого океана. По мнению Путина, «Большая Евразия» должна воплощать «интеграцию интеграций» и стать «настоящим цивилизационным проектом»¹, который способен преобразовать весь Евразийский континент в единый транспортно-логистический каркас и пространство сотрудничества, и привести к формированию всё более взаимосвязанного мира будущего².

Таким образом, в дискурсе Путина «Евразия» может обозначать и государство (Россия), и регион мезоуровня (постсоветское пространство), и весь континент («Большая Евразия»), что отражает многозначность данной концепции.

Два нарративных шаблона о «Евразии» и соответствующее «построение сюжета»

Анализ частотности и комбинации кодов показал, что у Путина есть двойственное нормативное представление о конечной цели и окончательной форме будущей «Евразии». Вокруг них формируются различные сюжетные структуры (темпорально-пространственные связи). Соответственно, мы называем их функционально-экономическим и цивилизационно-суверенным нарративным шаблонами (см. рис. 3).

Первый тип целей «Евразии» можно охарактеризовать как функциональный, с такими ключевыми словами, как интеграция, связность, безбарьерность и свободная торговля. Конечная цель заключается в создании «единого пространства от Атлантики до Тихого океана»³. А предпосылкой для реализаций взаимосвязанности является некая универсальность, в описании которой Путин косвенно признает некоторые аспекты неолиберализма и капита-

---

¹ Заседание круглого стола лидеров форума «Один пояс, один путь» // Президент России. – 2017. – 15 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/54496> (дата посещения: 10.10.2024).

² Международный форум «Один пояс, один путь» // Президент России. – 2023. – 18 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/72528> (дата посещения: 10.10.2024).

³ Заседание круглого стола лидеров форума «Один пояс, один путь» // Президент России. – 2017. – 15 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/54496> (дата посещения: 10.10.2024).

лизма, подчеркивая, что Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах, включая ценности свободы, демократии, рыночные законы, нормы ВТО и «максимально либерализованный торговый режим»¹.

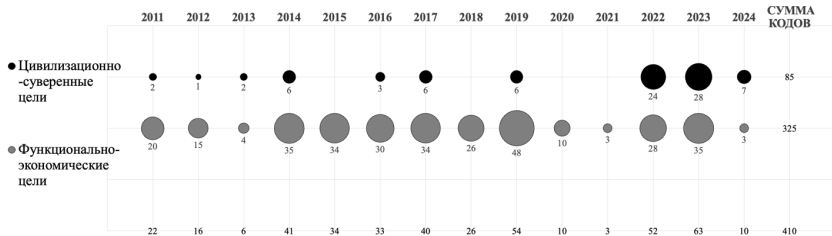

Рис. 3.
Диаграмма распределения частоты функциональных и цивилизационных целей / видения будущего «Евразии» в дискурсе В.В. Путина (2011–2024)

Функционально-экономическое видение «Евразии» сопровождается соответствующим процессом выстраивания сюжета (см. рис. 4). Особое внимание уделяется взаимоотношениям трех «Евразий»: Россия, постсоветское пространство, «Большая Евразия» / будущий мир. В данном нарративе три «Евразии» обладают внутренней преемственностью. Центральное географическое положение России в Евразии позволяет ей выступать связующим звеном между Востоком и Западом, в то время как постсоветское пространство, при поддержке таких проектов, как ЕАЭС, достигает «четырех свобод», устраняя барьеры и создавая общий рынок. «Большая Евразия», в свою очередь, описывается как будущее единое пространство и гармоничное экономическое сообщество от Лиссабона до Владивостока. Таким образом, Россия и «Малая Евразия» выступают прототипом и предвестником «Большой Евразии».

В функционально-экономическом нарративном шаблоне, помимо демонстрации пространственной связи трех «Евразий», также создается линейная, прогрессивная связь прошлого, настоящего и будущего, направленная к общей цели. Путин часто упо-

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 4 октября. – Режим доступа: <https://eivis.ru/browse/doc/26057544> (дата посещения: 17.01.2025).

минает советское прошлое, подчеркивая его важную роль в соединении народов и создании единого пространства, что служит обоснованием современных евразийских проектов. Что касается настоящего времени, в более ранних текстах функциональный нарратив о «Евразии» часто сопровождался оптимистическим описанием международного фона, где взаимозависимость становилась мировым трендом, тем самым Путин доказывал естественность создания ЕАЭС и «Большой Евразии»¹. Однако в более поздних текстах описание международного контекста стало более проблемно ориентированным, с критикой на протекционизм и фрагментацию в мировой экономике. Но такое описание реальности также служит обоснованием необходимости евразийских проектов².

Рис. 4.

Сюжетные линии о Евразии, развивающиеся вокруг функционально-экономического видения будущего

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – 2012. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата посещения: 10.10.2024).

² Заседание круглого стола лидеров форума «Один пояс, один путь» // Президент России. – 2017. – 15 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/54496> (дата посещения: 10.10.2024).

Однако начиная с 2014 г., особенно после 2022 г., хотя функциональные цели не исчезли из речей президента, все чаще встречаются совершенно другие целеполагание и нормативное видение «Евразии», ключевые понятия которого включают цивилизационное многообразие, суверенитет, национальные самобытности, идентичности народов и собственные модели развития. В отличие от функционального шаблона, идеальный мир будущего не является единым пространством без границ, а представляет собой цивилизационные блоки с неассимилируемым многообразием. «Большая Евразия» описывается как «цивилизационный проект, учитывающий разнообразие моделей развития, культур и традиций всех народов»¹.

В рамках данного шаблона при создании сюжетной линии и установлении темпорально-пространственных связей особое внимание уделяется схожей роли трех «Евразий» в защите многообразия, а не экономическим достижениям интеграции (см. рис. 5). По мнению президента, сущность евразийской идентичности России проявляется как инклюзивность «цивилизации цивилизаций»². В то же время преимущество интеграционных проектов на постсоветском пространстве заключается в способности сохранять национальную самобытность и идентичность народов³, а после 2022 г. – в защите суверенитета, политической независимости и снижении внешней зависимости в условиях западных санкций⁴. Будущая «Большая Евразия» же представляется как «цветущая сложность»,

---

¹ Первый Евразийский экономический форум // Президент России. – 2022. – 26 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата посещения: 10.10.2024).

² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. – 2024. – 7 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата посещения: 10.10.2024).

³ Заседание Высшего Евразийского экономического совета // Президент России. – 2014. – 23 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47311> (дата посещения: 10.10.2024).

⁴ Пленарное заседание Евразийского экономического форума // Президент России. – 2023. – 24 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/71198> (дата посещения: 10.10.2024); Заседание Высшего Евразийского экономического совета // Президент России. – 2022. – 27 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/68494> (дата посещения: 10.10.2024).

состоящая из цивилизационных альянсов и политико-экономических объединений¹.

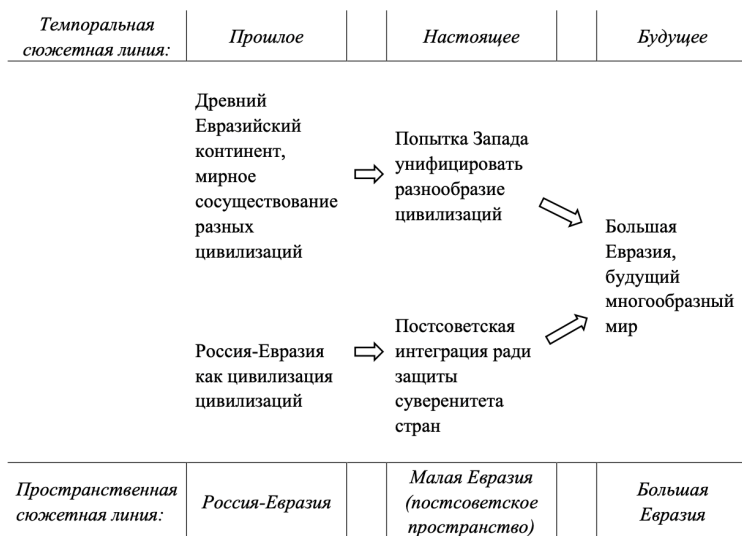

Рис. 5.

Сюжетные линии о Евразии, развивающиеся вокруг цивилизационно-суверенного видения будущего

Что касается связи прошлого, настоящего и будущего в цивилизационно-суверенном нарративе, то было выявлено, что она следует не прогрессистской, а скорее логике «назад в будущее». Путин часто обращается к более древним мифическим «золотым» временам Евразийского континента, утверждая, что «на протяжении тысячелетий на огромном евразийском пространстве жили и живут народы разных культур, религий, традиций»². В современности Запад пытается унифицировать это разнообразие цивилизаций, не уважая традиционные ценности других обществ, навязывая

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2017. – 19 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882> (дата посещения: 10.10.2024).

² Международный форум «Один пояс, один путь» // Президент России. – 2019. – 26 апреля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/60378> (дата посещения: 10.10.2024).

«странноватые новомодные тенденции»¹. Западный универсализм в данном контексте не является образцом, а становится объектом критики. Будущее Евразийского континента, по мнению Путина, должно вернуться к состоянию прошлого, восстановив «подлинное единство человечества, гораздо более сложное, самобытное и многомерное»².

Таким образом, мы обнаружили, что когда В. Путин подчеркивает функциональные, экономические и универсально-интеграционные цели и видение будущего «Евразии», соответствующие сюжетные конструкции включают прогрессивную траекторию «прошлое-настоящее-будущее», акцентируя внимание на роли России и постсоветского пространства как моста между двумя континентами и достижение в интеграционных проектах. В то время как усилившийся после 2022 г. цивилизационно-суверенный нарративный шаблон ставит целью защиту суверенитета и культурного многообразия, создание будущего многополярного мира и сопротивление западного универсализма. В этом шаблоне развивается другая связь «прошлое-настоящее-будущее», где будущее является «зеркальным отражением» прошлого, и роль России и постсоветского пространства заключается в защите идентичностей народов.

Образ Запада / Европы в функциональных и цивилизационных нарративных шаблонах

Разные видения будущего «Евразии» сопровождаются не только различными сюжетными структурами, но и значительными отличиями в оценке «других», особенно в образах Запада / Европы. В дискурсе Путина Запад / Европа выступают как «значимый Другой», находящийся в сложных и неоднозначных отношениях с «Евразией». Это проявляется не только в интенсивности упоминаний – при описании «Евразии» Путин чаще ссылается на ЕС, чем на другие региональные проекты, – но и в семантической напряженности этого «другого»: если «мировое большинство» представлено исключительно позитивно, то образ Запада / Европы оказывается более сложным и многогранным, демонстрирующим

---

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2022. – 27 октября. – Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/116/events/69695> (дата посещения: 10.10.2024).

² Там же.

разные степени совместимости с «Евразией» в двух нарративных шаблонах.

Мы проанализировали оценки Запада / ЕС (положительные / отрицательные / нейтральные) в тех же абзацах, где одновременно упоминаются цели «Евразии» (функциональные / цивилизационные), чтобы выявить наибольшую взаимосвязь. Результаты (см. рис. 6) показывают, что в функциональном нарративном шаблоне образ Запада / ЕС более позитивен или нейтрален, в то время как в цивилизационно-суверенном шаблоне образ Запада / ЕС в основном негативен.

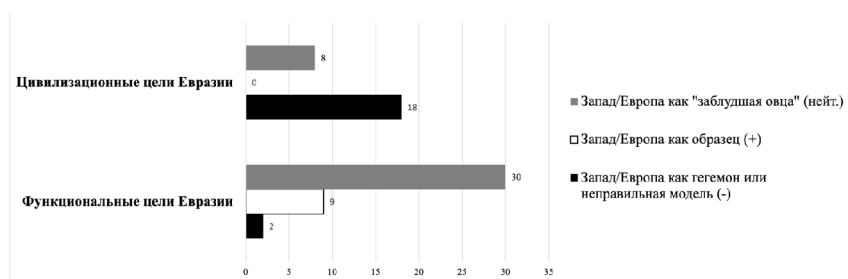

Рис. 6.
**Совмещение кодов «цели Евразии»
и «образ Запада / Европы» в одном абзаце**

В функциональном нарративном шаблоне Запад / Европа имеют образы «образца» (положительная оценка) или «заблудшей овцы» (нейтральная оценка), что демонстрирует их совместимость с «Евразией». В 2011–2012 гг. Путин неоднократно подчеркивал, что ЕС является образцом и «учителем» для интеграционных проектов в «Евразии» и что Евразийский союз в итоге станет неотъемлемой частью «Большой Европы»¹. С введением концепции «Большой Евразии» в 2016 г. Путин начал призывать не «Евразию» присоединять к «Большой Европе», а наоборот, приветствовать Европу в «Большой Евразии», подчеркивая преимущества и

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 4 октября. – Режим доступа: <https://eivis.ru/browse/doc/26057544> (дата посещения: 17.01.2025).

Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2012. – 25 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16717> (дата посещения: 10.10.2024).

перспективы такого сотрудничества. Он акцентировал внимание на том, что с участием Европы «[большое евразийское партнерство] станет действительно гармоничным, сбалансированным и всеобъемлющим, что позволит реализовать уникальный шанс создать единое пространство сотрудничества от Атлантики до Тихого океана – по сути, впервые за всю историю»¹. Даже после 2022 г. Путин признавал технологические преимущества развитых экономик по сравнению с «Евразией», указывая на возможности для развития отношений².

Помимо положительного образа «образца», Запад и Европа в функционально-экономическом нарративном шаблоне имеют также интересный образ «заблудшей овцы», в то время как «Большая Евразия», включающая Россию и мировое большинство, представляет собой «традиционный Запад». Вместо строгой бинарной оппозиции «я» – «другой» такая формулировка на самом деле признает возможность сотрудничества между Европой и «Евразией». В этом контексте Путин не отвергает модель либеральной глобализации, а, наоборот, акцентирует внимание на том, что Европа и Запад отказываются от принципов свободного рынка и свободной торговли, которые когда-то они сами поддерживали. «Большая Евразия», выступая за экономическую интеграцию, открытость и либеральный режим, на самом деле сохраняет модель «традиционного Запада»³. Таким образом, здесь отсутствует классический образ врага и границы «я» – «другой» становятся размытыми, внимание акцентируется на сходстве между «Евразией» и «Западом / Европой». Незаинтересованность Запада / Европы в евразийских проектах объясняется ошибками западных политиков, в то время как Путин подчеркивает, что «граждане этих стран, включая крупные, малые и средние компании европейских стран» всё еще заинтере-

---

¹ Заседание круглого стола лидеров форума «Один пояс, один путь» // Президент России. – 2017. – 15 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/54496> (дата посещения: 10.10.2024).

² Первый Евразийский экономический форум // Президент России. – 2022. – 26 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата посещения: 10.10.2024).

³ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2022. – 27 октября. – Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/116/events/69695> (дата посещения: 10.10.2024).

Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. – 2024. – 7 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата посещения: 10.10.2024).

сованы в сотрудничестве¹. Поэтому между «Европой» и «Евразией» нет фундаментальных противоречий и бинарной оппозиции.

Однако в цивилизационном нарративе о «Евразии» Запад играет в большей степени отрицательную и антагонистическую роль «гегемона и неправильной модели интеграции». Критика Запада / Европы направлена на существо этой модели. Возникает бинарная оппозиция между Западом / Европой, с одной стороны, и Россией и «мировым большинством» – с другой. Например, Путин критикует модель интеграции ЕС за то, что «они по политическим соображениям забежали вперед», слишком уж игнорируя суверенитет, что привело к экономическому кризису². В то время как Евразийский экономический союз и «Большая Евразия» показывают правильные интеграционные модели, направленные на укрепление национального суверенитета³.

Одновременно с этим противостояние между «Евразией» и Западом / Европой также проявляется в попытке последнего навязать миру свою модель, фактически выступая в роли «мирового жандарма»⁴. Таким образом, либеральная модель Запада больше не служит образцом, а представляет собой угнетающую и, по сути, неокOLONиальную систему, а «Евразия», с ее упором на разнообразие, может стать альтернативой западной модели⁵.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в функциональном нарративном шаблоне отсутствует бинарная оппозиция «я» – «другой», акцент больше сделан на потенциальную совместимость и возможности сотрудничества между Европой / Западом и «Евразией», тогда как в цивилизационно-суверенном нарративе Европа / Запад больше играют роль классического врага, стремящегося ас-

---

¹ Послание Президента Российской Федерации // Президент России. – 2019. – 20 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/59863> (дата посещения: 10.10.2024).

² Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2012. – 25 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16717> (дата посещения: 10.10.2024).

³ Пленарное заседание Евразийского экономического форума // Президент России. – 2023. – 24 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/71198> (дата посещения: 10.10.2024).

⁴ Первый Евразийский экономический форум // Президент России. – 2022. – 26 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата посещения: 10.10.2024).

⁵ Петербургский международный экономический форум // Президент России. – 2023. – 16 июня. – Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/71445> (дата посещения: 10.10.2024).

симилировать и колонизировать весь мир по своим образцам, в то время как «Евразия» выступает против этих попыток, защищая цивилизационное разнообразие.

На самом деле изменение образа «другого» тесно связано с процессом «построения сюжета», который ведет к двум различным видениям будущего. В функциональном нарративном шаблоне будущее представлено как мир без барьеров, с высокой степенью интеграции и взаимосвязанности, что порождает сюжетную структуру с линейной прогрессивной организацией «прошлое-настоящее-будущее», подчеркивая переход от фрагментации к интеграции. Акцент на универсальность и космополитизм в представлении о будущем «мире без границ» естественно подразумевает, что не должно существовать противоположностей в виде абсолютных образов «других», а границы между «я» и «другим» становятся размытыми. В цивилизационном нарративе будущее представляется как цивилизационные блоки, в связи с этим сюжетная конструкция не развивается по линейной логике, ведущей к постсуверенитету. В этом нарративе акцент на национальной самобытности, идентичности и суверенитете фактически предопределяет существование «других». При этом «Запад / Европа» становятся не только «другим-врагом», но также признается неассимилируемое многообразие и гетерогенность внутри самой «Евразии».

Заключение и обсуждение

На основе анализа высказываний В.В. Путина за период с 2011 по 2024 г. мы выявили три смысла «Евразии» и два нарративных шаблона. В дискурсе Путина «Евразия» может означать государство (Россию), регион (постсоветское пространство) или весь континент («Большую Евразию»). Вокруг двух различных представлений о будущем «Евразии» формируются разные модели построения сюжета и темпорально-пространственных связей, а «другому» (особенно ЕС) придаются разные роли. В результате мы реконструировали два нарративных шаблона: функционально-экономический и цивилизационно-суверенный. Мы также обнаружили (см. рис. 3), что до 2022 г. доминирующим был функциональный нарративный шаблон, тогда как после 2022 г. оба нарратива стали почти равными по своей значимости.

Наше исследование ведет диалог с двумя основными направлениями исследований. Для исследователей, заинтересованных в

концепции «Евразии» и евразийстве, наше исследование опровергает распространенное мнение о том, что после 2014 г. российский официальный дискурс о «Евразии» полностью перешел на националистическую логику. Наши результаты показывают, что функциональная логика всегда играла важную роль даже после 2022 г.

На методологическом уровне мы предложили оригинальный телеологически ориентированный подход, обеспечивающий переход от «специфических нарративов» к «нарративному шаблону», который вносит вклад в операционализацию исследования нарративов регионостроительства.

Тем не менее наше исследование оставляет много открытых вопросов, которые могут стать интересными направлениями для будущих исследований.

Прежде всего, как интерпретировать сосуществование двух нарративных шаблонов в дискурсе Путина? Существует мнение, что между этими нарративными шаблонами есть определенное напряжение, особенно в контексте их различного понимания суверенитета. Функциональный нарратив ориентирован на представление постсуверенного, безграничного мира, в то время как цивилизационный нарратив предлагает будущее, в котором сохраняются суверенитет и национальная самобытность. Функциональный нарратив во многом схож с интеграционным дискурсом ЕС и Запада, который основан на неолиберальной модели, в то время как цивилизационный шаблон, по-видимому, выступает как форма сопротивления этому дискурсу [Akchurina, Della Sala, 2015; Makaryshev, 2018].

Однако отечественные исследователи евразийства, такие как Р.Р. Вахитов [Вахитов, 2020], А.В. Смирнов [Smirnov, 2020] и В.Л. Цымбурский [Цымбурский, 1998; 2003], могут утверждать, что различные формы «евразийства» в своей основе представляют попытку найти тонкий баланс между универсальностью и единством, с одной стороны, и множественностью – с другой. С этой точки зрения оба нарративных шаблона, вероятно, могут быть не только согласованы, но и рассмотрены как взаимодополняющие.

Исходя из нашей теоретической позиции постклассической нарратологии, мы понимаем нарративы как открытые динамичные процессы. Это означает, что различная интерпретация нарративных шаблонов Путина является частью этого совместно конструируемого и незавершенного процесса.

Данный вопрос, по сути, открывает еще одно перспективное направление для будущих исследований. С исторической точки

зрения представления о «Евразии» всегда отличались сложностью и множественностью. В новых геополитических условиях они инициируют ее «новое прочтение», переосмысление и адаптацию [Дружинин, 2021]. Нарративы Путина представляют собой лишь одну из «узловых точек» в этом сложном «дискурсивном кластере» о «Евразии», хотя и чрезвычайно значимую. Процессы интертекстуализации, реконтекстуализации и сложная эволюция нарративов в различных условиях, несомненно, представляют собой важный объект для дальнейшего исследования.

Ya. Wang^{*}
(Re)imagining the region:
narratives of “Eurasia” in the discourse of Vladimir Putin
(2011–2024)

Abstract. The concept of “Eurasia” has gained significant prominence in Russian political discourse in recent years, yet its geographical boundaries and ideological content remain ambiguous. This study explores the transformation of representations of “Eurasia” and the region-building narratives within the discourse of Vladimir Putin from 2011 to 2024. Framed by interpretivist and poststructuralist paradigms, the study introduces an innovative narrative approach to examining the discursive construction of regions. Drawing on J. Wertsch’s concept of the “narrative template” and the hermeneutic theory of narrative, the author conducted a three-stage narrative analysis of key speeches by Putin related to the theme of “Eurasia” over the past 14 years. First, the article analyzes specific narratives on “Eurasia” articulated by Putin across various contexts. Second, the author identifies recurring themes and narrative elements. Finally, the study reconstructs narrative templates.

The findings reveal that the concept of “Eurasia” in Putin’s discourse operates on three levels with different boundaries: as a state (Russia), as a region (the post-Soviet space), and as the whole continent (“Greater Eurasia”). At the same time, two narrative templates can be identified: functional-economic and civilizational-sovereign. Within these templates, various storylines are constructed, based on different visions of the future, which reveals the dual logic of Putin’s imagination regarding “Eurasia”.

Keywords: Eurasia; narrative; Vladimir Putin; region; geographical imagination; narrative template.

For citation: Wang Ya. (Re)imagining the region: narratives of “Eurasia” in the discourse of Vladimir Putin (2011–2024). *Political science (RU)*. 2025, N 2, P. 62–87. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.03>

---

^{*} **Wang Yali**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: yavan@hse.ru

References

- Abbott H.P. *The Cambridge introduction to narrative*. Cambridge: Cambridge university press, 2008, 270 p.
- Akchurina V., Della Sala V. Russia, Europe and the ontological security dilemma: narrating the emerging Eurasian space. *Europe-Asia studies*. 2018, Vol. 70, N 10, P. 1638–1655. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1546829>
- Bassin M., Glebov S., Laruelle M. (eds). *Between Europe and Asia: The origins, theories, and legacies of Russian eurasianism*. Pittsburgh: University of Pittsburgh press, 2015, 267 p.
- Brockmeier J., Meretoja H. Understanding narrative hermeneutics. *Storyworlds: A journal of narrative studies*. 2014, Vol. 6, N 2, P. 1–27.
- Browning C.S. The region-building approach revisited: The continued othering of Russia in discourses of region-building in the European North. *Geopolitics*. 2003, Vol. 8, N 1, P. 45–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/714001005>
- De Fina A. Narrative analysis. In: Wodak R., Forchtner B. (eds). *The Routledge handbook of language and politics*. London: Routledge, 2017, P. 233–246.
- de Witte F. Integrating the subject: Narratives of emancipation in regionalism. *European journal of international law*. 2019, Vol. 30, N 1, P. 257–278. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chz005>
- Druzhinin A.G. *The ideas of classical eurasianism: socio-geographical analysis*. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal university press, 2021, 270 p. (In Russ.)
- Fairclough N. *Analysing discourse*. London: Routledge, 2003, 270 p.
- Gee J. P. *Social linguistics and literacies: Ideology in discourses*. London: Falmer Press, 1990, 203 p.
- Gilbert M. Narrating the process: Questioning the progressive story of European integration. *JCMS: Journal of common market studies*. 2008, Vol. 46, N 3, P. 641–662. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2008.00795.x>
- Hann C. A concept of Eurasia. *Current anthropology*. 2016, Vol. 57, N 1, P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1086/684625>
- Herman D., Jahn M., Ryan M. L. *Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2010, 718 p.
- Kazharski A. *Eurasian integration and the Russian World. Regionalism as an identity enterprise*. Budapest, New York: Central European university press, 2019, 208 p.
- Kolosov V.A. Critical geopolitics: foundations of the concept and its application in Russia. *Political science (RU)*. 2011, N 4, P. 31–52. (In Russ.)
- Kolosov V.A., Zotova M.V., Popov F.A., Gritsenko A.A., Sebestov A.B. Russia's Post-Soviet borderzone in between East and West (Analysis of political discourse). Part II: Looking East. *Polis. Political Studies*. 2018, N 3, P. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.06> (In Russ.)
- Kuznetsov D.A., Grachevskii G.A. The concept of “Indo-Pacific” in the context of international region building. *World politics*. 2022, N 1, P. 93–105. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2022.1.37605> (In Russ.)
- Labov W. Narrative pre-construction. *Narrative inquiry*. 2006, Vol. 16, N 1, P. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.1075/ni.16.1.07lab>
- Laruelle M. *Russian eurasianism: an ideology of empire*. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins university press, 2008, 276 p.

- Libman A. Does integration rhetoric help? Eurasian regionalism and the rhetorical dissonance of Russian elites. *Europe-Asia Studies*. 2022, Vol. 74, N 9, P. 1574–1595. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2120184>
- Makarychev A. Normative and civilisational regionalisms: The EU, Russia and their common neighbourhoods. *The International spectator*. 2018, Vol. 53, N 3, P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/03932729.2018.1483630>
- Malinova O.Yu. Legitimizing Putin's regime: The transformations of the narrative of Russia's post-Soviet transition. *Communist and Post-Communist studies*. 2022, Vol. 55, N 1, P. 52–75. DOI: <https://doi.org/10.1525/j.postcomstud.2022.55.1.52>
- Malinova O.Yu. The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): comparative analysis of rival narratives. *Polis. Political studies*. 2018, N 2, P. 37–56. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04> (In Russ.)
- Meretoja H. *The ethics of storytelling: narrative hermeneutics, history and the possible*. New York: Oxford university press, 2018, 368 p.
- Neumann I.B. A region-building approach. In: Söderbaum F., Shaw T.M. (eds). *Theories of new regionalism: A Palgrave reader*. London: Palgrave Macmillan UK, 2003, P. 160–178. DOI: https://doi.org/10.1057/9781403938794_9
- Novelli D., Pereira A.E. What makes a region: establishing analytical dimensions for the application of Neumann's region-building approach. *Revista Brasileira de informação bibliográfica em ciências sociais*. 2019, Vol. 89, P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.17666/bib8904/2019>
- Okunev I.Yu. Geographical imagination as a subject of critical geopolitics research. *Political science (RU)*. 2009, N 4, P. 126–137. (In Russ.)
- Polkinghorne D. E. Narrative configuration in qualitative analysis. *International journal of qualitative studies in education*. 1995, Vol. 8, N 1, P. 5–23.
- Ricoeur P. Narrative time. *Critical inquiry*. 1980, Vol. 7, N 1, P. 169–190. DOI: <https://doi.org/10.1086/448093>
- Ricoeur P. *Time and Narrative*. Chicago: University of Chicago press, 1984, Vol. 1, 285 p.
- Robert D., Shenhav S. Fundamental assumptions in narrative analysis: mapping the field. *The Qualitative report*. 2014, Vol. 19, N 38, P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2014.1005>
- Shenhav S. R. Concise narratives: a structural analysis of political discourse. *Discourse studies*. 2005, Vol. 7, N 3, P. 315–335. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461445605052189>
- Shenhav S. R. Political narratives and political reality. *International political science review*. 2006, Vol. 27, N 3, P. 245–262. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512106064474>
- Smirnov A.V. Classical eurasianism as a Post-Revolutionary philosophy. *Russian studies in philosophy*. 2020, Vol. 58, N 6, P. 522–534. DOI: <https://doi.org/10.1080/10611967.2020.1868263>
- Soderbaum F. Theories of regionalism. In: Beeson M., Stubbs R. (eds). *The Routledge handbook of Asian regionalism*. London: Routledge, 2011, P. 11–21.
- Stapleton K., Wilson J. Telling the story: Meaning making in a community narrative. *Journal of pragmatics*. 2017, Vol. 108, P. 60–80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.11.003>
- Suslov M. Continent Eurasia in Russian geopolitical imagination. In: Suslov M. (ed.). *Geopolitical imagination: Ideology and utopia in Post-Soviet Russia*. Stuttgart: Ibidem Press, 2020, P. 203–226.

- Trenin D. *The end of Eurasia: Russia on the border between geopolitics and globalization*. Washington, Moscow: Carnegie endowment for international peace, 2002, 354 p.
- Tsygankov A.P. Mastering space in Eurasia: Russia's geopolitical thinking after the Soviet break-up. *Communist and post-communist studies*. 2003, Vol. 36, N 1, P. 101–127. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0967-067x\(02\)00055-7](https://doi.org/10.1016/s0967-067x(02)00055-7)
- Tsygankov A.P. Russia, Eurasia and the meaning of Crimea. *Europe-Asia studies*. 2022, Vol. 74, N 9, P. 1551–1573. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2134307>
- Tsybursky V.L. Twice-born “Eurasia” and the geostrategic cycles of Russia. *Vestnik Evrazii*. 2003, N 4, P. 5–33. (In Russ.)
- Tsybursky V.L. Two Eurasias: homonymy as a key to the ideology of early Eurasianism. *Vestnik Evrazii*. 1998, N 1–2, P. 6–30. (In Russ.)
- Vakhitov R.R. Dialectical definition of Eurasianism. *Voprosy filosofii*. 2020, N 7, P. 136–149. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-136-149> (In Russ.)
- Vieira A.V.G. Eurasian integration: elite perspectives before and after the Ukraine crisis. *Post-Soviet affairs*. 2016, Vol. 32, N 6, P. 566–580. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2015.1118200>
- Wertsch J. V. Collective memory and narrative templates. *Social research: an international quarterly*. 2008, Vol. 75, N 1, P. 133–156. DOI: <https://doi.org/10.1353/sor.2008.0051>
- Wertsch J. V. *How nations remember: a narrative approach*. Oxford: Oxford university press, 2021, 271 p.
- Wertsch J. V. *Voices of collective remembering*. Cambridge: Cambridge university press, 2002, 202 p.
- Zamyatin D.N. Geocracy. Eurasia as an image, symbol, and project of Russian civilization. *Polis. Political studies*. 2009, N 1, P. 71–99. (In Russ.)
- Zamyatin D.N. *Imagining Russia: towards the formation of geocultures and meta-geographies of Northern Eurasia*. Saint Petersburg: Aleteia, 2024, 476 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Вахитов Р.Р. Диалектическое определение евразийства // Вопросы философии. – 2020. – № 7. – С. 136–149. – DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-136-149>
- Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ: монография. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.
- Замятин Д.Н. Вообразить Россию: к становлению геокультур и метагеографий Северной Евразии. – СПб.: Алетея, 2024. – 476 с.
- Замятин Д.Н. География Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 1. – С. 71–99.
- Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 31–52.
- Кузнецов Д.А., Грачевский Г.А. Концепция «Индо-Пацифики» в контексте международного регионостроительства // Мировая политика. – 2022. – № 1. – С. 93–105.
- Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 37–56. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>

- Окунев И.Ю.* Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики // *Политическая наука*. – 2009. – № 4. – С. 126–137.
- Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть II. Глядя на Восток / *В.А. Колосов, М.В. Зотова, Ф.А. Попов, А.А. Гриценко, А.Б. Себенцов* // *Полис. Политические исследования*. – 2018. – № 5. – С. 57–69. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.06>
- Цымбурский В.Л.* Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // *Вестник Евразии*. – 2003. – № 4. – С. 5–33.
- Цымбурский В.Л.* Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // *Вестник Евразии*. – 1998. – № 1–2. – С. 6–30.